

БИБЛИОГРАФИЯ

346
«Беседы о Вахтангове»

«БЕСЕДЫ О ВАХТАНГОВЕ». ЗАПИСАНЫ Х. Н. ХЕРСОНСКИМ. ИЗДАНИЕ ВТО. М.-Л., 1940 г.

Как увлекательно и волнующе познание творческого процесса художника! Перед нами открывается огромный, необычный мир, полный бурных исканий, неожиданных столкновений, причудливых движений мысли. Изучить этот мир призван не только ученый, восстанавливающий по отдельным признакам облик художника, но и всякий, кто творит в искусстве. Не всегда успешно попытки проникнуть во все уголки лаборатории писателя, живописца, композитора, ибо они творят «наедине». Гораздо доступнее для изучения творчество режиссера: он организует спектакль публично, в присутствии актеров, и только через них он может выразить свои мысли и эмоции. Наблюдения актеров над деятельностью режиссера представляют огромный интерес, — вот почему надо всячески приветствовать книгу о Вахтангове, в которой собраны воспоминания его товарищей и учеников.

Имя Вахтангова, великого режиссера нашей эпохи, в сознании каждого советского художника связано с вечным беспокойством, идущим от страстного желания совершенствовать искусство, придать ему могучую силу воздействия.

Товарищи Вахтангова по школе Адашева, по Первой студии Художественного театра, ученики Мансуровской студии, актеры театра «Габима» — все вспоминают о встречах с Вахтанговым, как о прекрасных, незабываемых днях своей жизни. Все они отмечают необыкновенную силу творческого горения Вахтангова, его способность отдавать всего себя искусству. Его любовь к искусству была беспредельна, он ничего не оставлял «для себя», для «обыденной жизни», вернее, вся его жизнь, все личное было пронизано творчеством. Это — не абстрактная любовь к искусству. Вахтангов — великий жизнелюбец, он тонко чувствовал время и всегда в своем искусстве с каким-то наслаждением жадно впитывал многообразные явления жизни. Через искусство он «вмещивался» в жизнь, и вместе с нею развивалась его личность. У истоков творческого пути Вахтангов — это талантливый молодой человек, с любовью пропагандирующий театральные идеи Станиславского, отгораживающий себя от жизненных бурь. И как изменился Вахтангов под влиянием огромных исторических событий, под влия-

нием Октября! Ю. А. Завадский рассказывает: «Будто неведомая, непрестанная бурная работа пересмотра и пересоздания самого себя происходила в нем непрерывно подспудно и превратила его в короткое годы жизни в нового, мудрого и изумительного человека. ...В памяти от последних встреч с Вахтанговым остались величие, мудрость, сила, человечность».

Вахтангов умел всех, с кем он работал, воодушевить на подвиг в искусстве. Каждый, кто вместе с ним творил, был полон огня, страстности, не жалел себя для искусства и развивал в себе высокие качества — простоту, неумолимую требовательность к своей работе, принципиальность, ненависть к фальши.

Все отмечают, что репетиции, проводимые Вахтанговым, были подлинным праздником, когда и режиссер и актеры чувствовали, как вместе с образом растут, обогащаются и их личности. Каждая репетиция вносила новый волнующий мир чувств, мыслей, ассоциаций. Творя, Вахтангов одновременно воспитывал и своих учеников, учил их жить, ковал их души. Он умел сочетать конкретную задачу создания спектакля с воспитанием актера в самом широком смысле слова. Может быть потому он и добивался прекрасных спектаклей, что ему был глубоко чужд ремесленный подход, что он умел коснуться самого тонкого, самого затаенного в жизни актера.

В дневниках Вахтангова мы часто встречаем мысль о радости творчества, и в этой книге, в воспоминаниях товарищей и учеников Вахтангова, снова настойчиво звучит та же тема. Вахтангов говорит, что в спектакле радость должен испытывать не только зритель, но и актер. Отсюда — стремление к легкости, ясности, импровизации, непринужденности. Он требовал овладения техникой переживания для того, чтобы чувствовать себя на сцене свободным и не переживать «настоящие» чувства. Л. А. Волков вспоминает о своей беседе о Вахтанговым накануне генеральной репетиции «Турандот»: «Он мне сказал, что в этой работе (над «Турандот» — С. З.) его увлекает специфическое актерское состояние, вот такое: мы с вами сидим в первом ряду и смотрим спектакль, но я тоже играю этот спектакль. И, пока я свободен, я делюсь с вами впечатле-

ниями, как со своим знакомым, а потом я говорю: — мой выход, сейчас я тебе сыграю. И я выхожу из первого ряда, влезая на сцену и начинаю играть все — горе и радость, а этот мой приятель мне верит... А потом кончаю, подсаживаюсь к нему и говорю: — ну как, хорошо?» Переход от «реальной жизни» к сценической должен быть легким, простым и естественным, — это результат огромных усилий, незаметных для зрителя, и в легкости перехода — чудесная радость и наполненность чувств актера. Нам кажется, что истинный смысл театральности надо искать в непринужденности и свободе творчества, окрыляющих актера.

Л. А. Волков, С. В. Гнацинтова, Б. Е. Захава, Ю. А. Завадский, Р. Н. Симонов, Б. В. Шукли и другие говорят о необычайной способности Вахтангова понимать актера. От его острого, беспощадного взгляда ничто не могло скрыться. Он замечал самое незаметное и с поразительной настойчивостью расчищал актеру путь к познанию образа, к воплощению этого образа в единственно неповторимой форме. Вахтангов прекрасно знал, всем своим существом чувствовал актера и любил его искренней, большой любовью. Его ученики и товарищи отвечали ему тем же. И это проявляется в каждой строчке «Бесед».

Волнующие страницы воспоминаний, посвященных последним дням жизни Вахтангова... Смерть уже витала над ним, но он с неукротимой энергией продолжал режиссировать, учить, воодушевлять актеров, спеша отдать нарождающемуся новому советскому искусству весь жар своей души. Поистине величественно это единоборство художника со смертью!

Не все в книге воспоминаний о Вахтангове представляет интерес, но каждый внимательный читатель найдет в ней много живых черточек, из которых сложится портрет Вахтангова. Более того, он сможет извлечь из этой книги ценные мысли Вахтангова о театре, представляющие интерес для развития нашего искусства.

Несколько критических замечаний. Один из учеников Вахтангова утверждает в книге, что «Евгений Богратионович был ближе к социалистическому реализму, чем даже Станиславский». Эта мысль

прежде всего поражает своей наивностью. «Ближе», «дальше» — так определить особенности творческих путей Станиславского и Вахтангова абсолютно невозможно. Составитель «Бесед» Х. Херсонский также пытается «увести» Вахтангова от Станиславского, Херсонский приписывает Станиславскому какие-то смешные идеи и на этом основании противопоставляет ему Вахтангова. В самом деле, как можно говорить, что Станиславский стремился, «чтобы актер, играя роль, чувствовал себя совсем так же естественно, как в жизни, и забывал о театре»? Где, когда Станиславский мог проповедывать такие «идеи», противоречащие самой сущности театрального искусства? Станиславский всегда утверждал, что сценические чувства отличаются от жизненных, что это — повторные, очищенные чувства. Он требовал от актера искренности и свежести переживания, а это ничего общего не имеет с мыслью — «чувствовать себя совсем так же естественно, как в жизни».

Вахтангов велик своей кровной связью с театральными идеями Станиславского. В то же время он умел обогащать, развивать «систему» и двигаться дальше. Но разве Станиславский всю жизнь не дополнял «систему», не искал новых путей? Нам кажется, что Вахтангов является самым верным, самым преданным учеником Станиславского именно потому, что он порой становился вровень с гением Станиславского и с такой же силой, с такой же смелостью вместе со Станиславским опрокидывал старое и всегда шел вперед, тогда как некоторые другие ученики Константина Сергеевича предпочитали прятаться за спину своего учителя и топтаться на месте.

В заключение надо отметить, что в предисловии к книге, написанном Херсонским, некоторые места вызывают удивление — по причине «странных» стилей. Ну что, например, означает сие: «Через тончайшие оттенки и интонации, соединяя прямое отражение наблюдаемого с вольным, с непрямым, не без противоречий и не без психологического движения искусство отражает действительность средствами эмоционально-образного «подражания» — с помощью фантазии».

С. ЗАМАНСКИЙ